

ХУДОЖНИКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сергей ГЕРАСИМОВ

ПРАЗДНОВАНИЕ юбилея Великого Октября, начавшееся совместным заседанием высших органов нашей партии и государственной власти, гордостью отзывается в сердце каждого советского человека. Вместе с участниками торжественного собрания доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева слушали по радио и телевидению миллионы и миллионы людей во всем мире. И в каждом героическом факте нашей революционной истории, в каждом обобщении как бы заново открывались масштабы века.

Писателя, художника часто спрашивают: над чем вы работаете? О чем пишете? Что собираетесь ставить?

На такой вопрос всем сердцем я бы ответил: о современности.

Вот тут-то и начинается главный разговор. А что такое «современность»?

На мой взгляд, современность имеет самые различные измерения, в прямой зависимости от широты и глубины человеческих интересов, проявленных к ней. В сфере общественно-политической это гигантские достижения социалистической системы, первостепенно влияющие на весь ход событий в мире и выдвигающие новое множество различных проблем государственного, экономического и культурного строительства внутри страны. Это углубление демократии с развитием демократических принципов во всех сферах социалистической государственности, повышение инициативы каждого на основе неослабного чувства ответственности за общее дело.

От года к году мир усложняется. И ныне для объединения умов требуется иной, все более тонкий и пристальный анализ бытия. Таким образом, весь идеологический аппарат на наших глазах усложняется и уточняется в масштабах, примерно равных масштабам процессов, происходящих в естественных и точных науках.

Может ли быть здесь применена столь решительная параллель?

На мой взгляд, да, может и даже должна. Современная политика со

всем опытом, накопленным в революционную эпоху, все более сближается с наукой в абсолютном значении этого слова. Тем более что всякая политика, как известно, неразрывно и прежде всего связана с экономикой. А экономика имеет в конечном счете определяющее влияние на всю общественную жизнь со всеми сложностями идеологических, научных и культурных проблем. Отрицать это — значит отрицать в корне учение Маркса — Ленина, отрицать всю практику революционного 50-летия. Таким образом, борьба идей в процессе развития общественной жизни, во-первых, между двумя антагонистическими системами, а во-вторых, в той или иной форме внутри одной и той же системы — составляет для каждого активно мыслящего человека, и прежде всего для художника, наиболее насущный и жгучий аспект современности.

Отсюда второй вопрос: подвластны ли все эти столь сложные и тонкие, непрерывно изменяющиеся черты современности художественному осмыслению непосредственно в процессе их развития, то есть сейчас, сегодня, когда они еще не стали историей? Если понимать историю не как летописи, запятанные временем, а как жизнь, творимую людьми, то ответ может быть только утвердительный.

Каждый художник, работающий над темой современности, знает, как не просто дается постижение истины в потоке жизни. И тем не менее отклик, который получает острая современная вещь в народе, — при всей разноречивости и даже поляриности оценок, — лучшая награда для художника, так как, пусть даже с издержками, выполнена главная задача искусства — разбужена мысль человеческая. И тут художник заранее должен быть готов к тому, что он столкнется с догматической инерцией готовых стандартов мышления, с ограниченностью узкоцеховой критики. Жизнь художника — непрерывные искания, и нет ничего печальнее и нурзнее претензий на непререкаемость классика, в каком бы возрасте тебя эта беда ни постигла.

ЧТО ЖЕ такое «чувство современности»? По-моему, оно заключается прежде всего в жажде раскрытия множественных тайн бытия, среди которых сам человек и формы общественного развития занимают наипервейшее место.

Уровень социального мышления в конечном счете определяет нрав-

ственный и творческий потенциал общества. Именно здесь главное преимущество нашего строя, здесь корни всех побед нашей полувековой истории.

Социальное мышление художника отличается от мышления историка, экономиста, социолога. Оно всеохватнее, просторнее, непосредственнее, в чем-то неизбежно наивнее, если хотите. Нужно ли расставаться с этой «наивностью»? Как видите, слово пришлось взять в кавычки, так как сама эта наивность особого рода. Это как раз то идеальное начало, которое составляет главную потребность и силу художника в его стремлении совершенствовать мир.

Другое дело, что наивность в прямом значении слова ни при каких обстоятельствах не может стать преимуществом. Тут я возвращаюсь к необходимости постижения жизни всеми средствами современной науки и информации. И все же главное в познании действительности для художника была и остается повышенная способность к сочувствию, сопереживанию, к тому, что в просторечии зовется сердечностью, любовью к человеку, к жизни во всем ее великолепном многообразии. Тут уместно вспомнить остроумное замечание Юрия Олеши. Он сказал как-то, что, глядя на возлюбленную, не следует пользоваться опытом патологоанатома, прикладывая, где у нее печень, где лицевод и как расположен пищеварительный тракт. Между тем именно этим исследованием склонно заниматься искусство, претендующее на хмуро объективные способы изображения жизни, где рационализм, введенный в степень абсолюта, презрительно отбрасывает любые душевные движения, отмеченные добротой и человечностью, крестя их сентиментализмом, конформизмом или еще каким-нибудь ужасно обидным словом.

И когда мы говорим: год от года мир усложняется, то мы имеем в виду прежде всего усложнение его понимания вследствие постижения все новых и новых закономерностей, открываемых в машине Вселенной. Так что же в результате этого происходит с современным человеком, песчинкой в необъятных просторах космоса, призванной быть великаном?

В этом противоречии искусство всегда видело начало углубленных размышлений. И в одном случае сознательно ограничивало себя размерами зримого домашнего бытия, в другом — искало выход в божественном.

нию современников великой революции и всем восприимчивым идти к полному бесстрашию в преобразовании жизни — и это, видимо, то новое, что дал революционный век человечеству.

Октябрьская революция совершилась и открыла новые просторы для человека не только в нашей стране, но и на всей планете и завещала нам труд, повсечасный, кропотливый, требующий отваги на каждый день.

Отвага эта имеет множество измерений. Наиболее полное свое выражение она получила в годы Великой Отечественной войны, когда каждый ее участник ежедневно и ежечасно собственной жизнью отвечал за жизнь революционного Отечества. Подвиг героев войны, разумеется, несоизмерим с подвигом тружеников мирного времени. Однако борьба за последовательную реализацию всех пунктов программы строительства коммунизма требует ясности ума и величия духа каждый день и час в сутолоке повседневной жизни. Наряду с реальными трудностями человеку еще сопутствуют «призраки» внутри его сознания, его духовного мира. И слабые, пугаясь, отступают и путаются под ногами у сильных и храбрых. И все же сильные и храбрые продолжают делать свое дело и побеждают в конечном счете на земле и в космосе, на стройках коммунизма по всей нашей огромной стране, и за письменными столами, где надо принимать решения.

ТУТ возникает следующий вопрос: можно ли планировать художественное творчество соподчиненно всей стратегии революционного наступления, можно ли подчинять самопроизвольную мысль художника требованиям сегодняшних интересов партии, государства, народа? Или процесс этот спонтанный, независимый, возникающий попутно со всем ходом событий на планете? Здесь зерно очень глубокого спора, спора старинного, но разгорающегося в последние годы с остротой и силой, соответствующими масштабам идеологической борьбы между двумя противостоящими системами.

Спор идет прежде всего о воле организующего начала, которое для нас характеризуется исчерпывающим понятием — партия. Опыт Коммунистической партии на самых различных участках битвы за коммунизм год от года завоевывает у человечества все большее доверие и уважение, и прежде всего потому, что это опыт коллективного разума, где способность стратегического предвидения предопределяла последовательность успехов и побед даже в таких самых тяжелых испытаниях, как вторая мировая война. Последовательная борьба коммунистов за мир и дружбу между народами в обстановке, когда каждый новый день выдвигает новые сложности, являет пример тер-

пения и мужества, продиктованного чувством человечности и исторической правоты.

Стратегические позиции Коммунистической партии потому и сильны, что они последовательно выражают стремление людей труда к утверждению и сохранению жизни многовековой цивилизации как главного достояния всего человечества. Такая стратегия вызывает сочувствие у огромного большинства людей и становится естественной позицией художника-гуманиста.

А как же все-таки быть с соизмерением ограниченных интересов личности со всем масштабом интересов партии и общества? На чьей стороне должен быть художник? В решении этого вопроса, который на первый взгляд прост, а на самом деле необыкновенно сложен, реальной силой выступают преимущества коллективного строя со всей его принципиальной новизной и уже исторически проверенной мощью. Конечно, каждый человек смертен и жизнь его «я» подвластна всем противоречиям и сложностям существования. Но чувство сопричастности к общему делу тем более покрывает эти противоречия, чем активнее и непосредственнее связь личности с обществом. Как раз это сознание сопричастности к общему делу решило победу в минувшей войне. В равной мере сейчас, в мирное время, чувство это решает успех каждого нового начинания.

Раскрытие частной судьбы (нотная в искусстве немаловажный предмет) все же, видимо, начинается не с личности выдуманного героя, а с личности автора, и искусство может быть измерено в конце концов только в масштабах личности самого художника. Сила искусства начинается там, где художник в произведении своим способом вложить, столкнуть, соизмерить жизнь общества и жизнь личности в нем. Художник может оперировать самыми широкими понятиями, изобразить на бумаге, на сцене или на экране движение масс, оглушать громом призывов и словословий, но читатель и зритель останется безучастен до тех пор, пока не услышит во всем этом потоке общих идей хотя бы намека на реальную сущность явления, на личную, неповторимую судьбу, феноменальность природы, характера, душевного движения. А это приходит к художнику только как награда за пристальное, любовное всматривание, вслушивание в жизнь.

НА НАШИХ глазах за последние годы родилось множество поэтов. Само это устремление литературы в сторону поэзии от прозы по-своему знаменательно, и в нем есть свои преимущества, но и свои опасности. Преимущества заключаются, видимо, в том, что поэзия представляет наиболее прямой путь от наблюдения и мысли к страсти выражения. Опасность в том, что путь этот неизбежно спрямляет, упрощает множество аспектов жизни, требующих изучения, последовательного, едва ли не научного познания. И, как правило, в современной поэзии поднимаются те, кто

способен оснастить поэтический образ силой анализа, дотошностью исследования. Ни язык, ни образность не покрывают отсутствия новых ощущений, мыслей, проникновений, распахивающих в прозе жизни ее поэзию.

В этом споре между поэзией и прозой, при всем их предпринятом сосуществовании, поэзия все более приближается к своеобразной алгебре, где аллегорические обозначения подменяют суть явлений, а жизнь все усложняется и все труднее поддается всеобщему знаменитому выражению. Потребовалась феноменальность натуры Маяковского, чтобы родился совершенно неповторимый, особый мир образов революции наряду с феноменальностью образов Есенина, жившего с ним в одни годы. И тут, и там была революционная Россия. Маяковский видел в ней одно, Есенин нечто совершенно иное. Но и то, и другое было действительно существовавшей в те времена Россией. И образы эти, споря и сражаясь, остались для нас навсегда. И разность взглядов Маяковского и Есенина на окружающее свидетельствует о всей сложности рождавшегося в те годы нового мира.

Художник не должен утверждать бесстрастную объективность взгляда на мир, на современность, хотя иные зрители и склонны потребовать от него этого. Более того, я уверен, что если бы художник подался на их уговоры и освободился бы от собственного опыта во имя опыта всеобщего, так сказать, нейтрального, они бы померли со скуки, хотя все в такой вычисленной и рассчитанной картине соответствовало бы представлениям каждого о типичности того или иного явления жизни. И это потому, что в искусстве дороже всего типичность феноменального, неповторимого.

Разглядывая жизнь со всем пристрастием влюбленного в нее современника, видящего бесконечное множество индивидуальных различий между множеством людей, составляющих единое общество. Единство это отчетливее всего обнаруживается при сличении нашего революционного мира с миром противостоящим. Это единство, рожденное Октябрем, составляет нашу гордость.

И вот вслед за таким размышлением, как мечта, складывается замысел — сделать фильм о рабочем движении, о коммунистическом единстве, перешагивающем через границы стран, наций и рас. Ничего более величественного в своем интернационализме и бескорыстии не знала история нашей планеты. Хочется осмыслить и показать самое священное в современном человеке — наследие ленинской душевной широты, — его нерушимую уверенность, что в силах людей сделать разум и красоту мерил жизни на земле. В этом, на мой взгляд, и заключается самый корень современности.

ИЗВЕСТИЯ 4 стр.

1967, 13 июля